

Посвящается Зэмми, Тэрри и Тэреллу

Список иллюстраций

Рис. 1. Бог как архитектор и создатель мира с циркулем. Середина XIII века, краски на пергаменте. Источник: Bible moralisée, Австрийская Национальная библиотека, Вена, Архив изображений, Cod. 1179, fol. Iv.

Рис. 2. Титульный лист Библии Лютера 1534 г. Источник: Библия Лютера, издание 1534 г., Библиотека герцогини Анны Амалии, шифр полки vol. 1:CI:58b. Предоставлено: Klassik Stiftung Weimar, Herzogin Anna Amalia Bibliothek.

Рис. 3. Изображение Бога как Творца из Библии Лютера 1534 г. (также известной как Веймарская Библия 1534 г.). Космос исходит из разума Бога; Адам и Ева на земле в Раю, окружённые другими творениями Бога. Отметим, что Бог, вместе с первыми людьми, изображён европейцем: Ева — блондинка; Адам и Бог — брюнеты. Из [Füssel 2002: 63]. Источник: Библия Лютера, издание 1534 г., Библиотека герцогини Анны Амалии, шифр полки vol. 1:CI:58b. Предоставлено: Klassik Stiftung Weimar, Herzogin Anna Amalia Bibliothek.

Рис. 4. Версия X века карты типа «Т-О», вдохновлённой «Etymologiae» Исихора Севильского. Континенты Азия, Европа и Африка показаны как владения Симы, Иафета и Хама. Источник: коллекция карт Библиотеки Уайденера Гарвардского университета.

Рис. 5. Версия X века карты типа «Т-О» из «Liber Guidonis compositus de variis historiis», компиляции исторических и географических текстов из Пизы. В этой версии континенты Азия, Европа и Африка показаны без отчётливой отсылки к трём сыновьям Ноя. Здесь, однако, мы видим, что водные пути, разделяющие эти три географические территории, образуют Крест Христа. Также следует отметить, что континентальное разделение мира на три отдельных пространства соответствует происхождению трёх групп человечества от трёх сыновей Ноя, хотя их имена на карте не обозначены. Таким образом, эта карта представляет формальную преемственность мышления о предках и невысказанных

прямо привычных моделях восприятия мира. Источник: коллекция карт Библиотеки Уайденера Гарвардского университета.

Рис. 6. Ной и его три сына, Сим, Хам и Иафет. Сцена слева происходит после Потопа. Справа — сцена греха Хама, которая совершается в шатре Ноя. Отметим, что в этой иллюстрации из Библии Лютера 1534 года Ной и его сыновья изображены европейцами; один из сыновей Ноя — блондин, другой — брюнет, а третий, вероятно, рыжий. Бог, сидящий на небесах после окончания Потопа, также изображён брюнетом с европейскими чертами. Источник: Библия Лютера, издание 1534 года, Библиотека герцогини Анны Амалии, шифр полки vol. 1:CI:58b. Предоставлено: Klassik Stiftung Weimar, Herzogin Anna Amalia Bibliothek.

Рис. 7. Реконструкция скелета неандертальца, найденного в Неандерской долине в середине XIX века (слева) и скелет современного человека (справа). Источник: реконструкция Гэри Сойера и Блэйн Мэйли, отделение антропологии Американского музея естественной истории; фото Кена Моубрэя.

Рис. 8. Девочка встречается неандертальца. Источник: Музей неандертальца, Меттман, Германия.

Выражение признательности

Новые мысли приходят в мир, проходя через идеи других людей. Я обязан поддержке многих индивидуумов и учреждений, которые помогли сделать этот труд возможным.

Я должен поблагодарить многих своих учителей. Я благодарен Дженет Браун, которая посоветовала мне свести вместе наблюдения над теми связями, которые я изучал в ходе этого амбициозного проекта. Я обязан Эвелин Хиггинботам — её энциклопедическому пониманию расы и американской истории, её постоянным напоминаниям о том, что следует постоянно помнить о политике знания. У Эми Холливуд я научился тому, как важно быть внимательным к поливалентным выражениям религиозной мысли, в особенности в дискурсах о человеческих различиях. Благодаря Эндрю Джюэтту я стал ценить достоинства здравого исторического аргумента и видеть, как мы несём с собой прошлое в настоящее. Оживлённое общение с Ноахом Фельдманом и его точная критика помогли мне стать лучше как учёному. Я благодарен Эвелин Хэммондс и её заботе о моих интеллектуальных и профессиональных успехах. Элизабет Ланбек, Эмили Мартин и Дуана Фуллвайли сыграли невероятно важную роль на ранних стадиях этой работы. Я также благодарен Эдди Глоду и Уоллесу Бесту, чьи важные работы вдохновили меня продвигаться в своих исследованиях расы и религии в новом направлении.

Мне повезло, что у меня так много дорогих коллег и друзей, которые читали черновики, поддерживали меня и обеспечивали обратную связь в ходе моих исследований и написания книги. Я благодарен Ширин Сейкали, Сирсу Мак-Ги, Габриэле Сото-

Лавеага, Говарду Уайнанту, Кейт Макдональд, Полу Спикарду, Джонатану Хану, Осаги Обасоги, Деборе Болник, Кэтрин Лофтон, Келси Мосс, Лоре Портвуд-Стейсер и Эраму Аламу. Мне повезло, что Томас Франке и Дэвид Макинтош помогли мне сделать последние исправления в самом конце работы. Многие близкие друзья просто были рядом, когда я нуждался в них. Особая благодарность моему брату Тэреллу Килу, который проводил много часов, помогая мне оттачивать мои писательские навыки на ранних этапах создания книги. Наконец, моя семья заслуживает признания за постоянную поддержку и вдохновение, особенно Джейлен и Картер.

Мои исследования не были бы возможны без многочисленных источников финансовой и институциональной поддержки. Ресурсы, позволившие мне проводить исследования и писать мою диссертацию, были предоставлены Советом по исследованиям в области социальных наук (стипендия для работы над диссертацией); Центром американских исследований Чарльза Уоррена в Гарвардском университете; Фондом Марка и Кэтрин Винклер; и отделением науки, технологий и общественных дисциплин Национального научного фонда (SES-1027045, грант на улучшение диссертации). Я также благодарен за помощь, оказанную сотрудниками Американского философского общества, библиотеки Медицинского колледжа Мехарри и Гёттингенского университета. Щедрая институциональная поддержка в распространении и развитии моих идей поступила от Североамериканского религиозного коллоквиума Гарвардского университета; серии «Инкубатор» на кафедре истории науки Гарвардского университета; Рабочей группы по современным наукам Гарвардского университета; и Центра науки, технологий, медицины и общества Калифорнийского университета (UC), Беркли; преподавателей-стипендиатов президента UC по гуманитарным наукам; и моих коллег с кафедр истории и афроамериканских исследований Калифорнийского университета в Санта-Барбаре.

Введение

Так называемые общечеловеческие идеи, сформулированные европейцами в период с эпохи Возрождения до эпохи Просвещения, а в дальнейшем оказавшие влияние на проекты модерна и модернизации по всему миру, так и не смогли стать поистине универсальными и чистыми понятиями... Ведь сам язык, на котором они были сформулированы, и обстоятельства, в которых это произошло, наделили их следами версий истории, существовавших до того: версий своеобразных и единичных, принадлежащих различным частям Европы. Мельчайшие элементы этих сугубо локальных версий истории, должно быть, сохранились в концепциях, которые в противном случае могли бы считаться универсальными.

Дипеш Чакрабартти. «Провинциализируя Европу»

В 2002 году американский генетик и антрополог Спенсер Уэллс опубликовал книгу «Путешествие человека: генетическая Одиссея» [Wells 2003]. В ней Уэллс подробно описал происхождение первых людей в Африке и их распространение по Евразии, Австралии и Америкам. Его исследование было основано на последнем на тот момент слове технологии, которое позволило генетикам проанализировать 13 генетических маркеров Y-хромосомы и на основании этого анализа проследить неизвестную до тех пор историю раннего человечества [Wells 2005]. Y-хромосома передаётся от отца к сыну, поэтому она не становится диффузной в ходе процесса генетической рекомбинации, когда каждый родитель вносит свой 50-процентный вклад в формирование ДНК

ребёнка. Полезной для реконструирования древнего прошлого ДНК Y-хромосомы делает то, что она остаётся относительно стабильной в процессе передачи по наследству от поколения к поколению. Когда происходят изменения, чаще всего путём случайных мутаций, они оставляют след генетических маркеров, которые биологи могут использовать для того, чтобы проследить шаги человеческой эволюции обратно. Используя этот метод генетического анализа, Уэллс заявил, что происхождение всех людей можно возвести к горстке смелых людей, которые воспользовались изменением климатических условий и мигрировали из Африки двумя основными волнами. Первая волна, согласно Уэллсу, имела место 60 000 лет назад, когда наши предки, двигаясь вдоль побережья Индийского океана, прибыли на Аравийский полуостров, Ближний Восток, Индию и, наконец, в Австралию. В ходе второй волны люди вышли из Африки примерно 45 тысяч лет назад, поселились на Ближнем Востоке, а затем, распавшись на группы меньшего размера, мигрировали в Индию, центральную Азию и Европу. Уэллс полагает, что холодные температуры и географическая изоляция сделали эти популяции намного более бледнокожими и малорослыми по сравнению с людьми, вышедшими из Африки. В итоге примерно 20 тысяч лет назад небольшая группа центральноазиатов мигрировала на север, в Сибирь и к Северному полярному кругу. Примерно через 5000 лет группа этих центральноазиатов, следуя за оленями, перешла по существовавшему на месте Берингова пролива перешейку в Северную Америку, тем самым положив начало туземному населению Северной и Южной Америки.

На основании книги «Путешествие человека» в 2003 году был снят получивший широкую популярность документальный фильм компании PBS. В нём Уэллс — человек с клубнично-красным цветом лица и голубыми глазами — повествует о своём генетическом открытии, объясняя, что, вопреки всем нашим физическим различиям, мы, в сущности, все являемся африканцами. На протяжении всего фильма последовательно проводится вписывание туземных народов в биогенетический нарратив об эволюционных шагах, предпринятых нашими предполагаемыми

коллективными предками. «Путешествие человека» является в той же степени научным документальным фильмом, как и артефактом миссионерской проповеди, направленной на обращение в свою веру¹. В фильме ярко проявляются унаследованные концептуальные проблемы, формирующие стержневой аргумент настоящей книги: универсальные нарративы о становлении человека, созданные наукой Нового времени, происходят от христианских европейских традиций мысли и веры, скрывающих свои провинциальные истоки.

Одна из таких унаследованных дилемм ярко дала о себе знать в ходе посещения Уэллсом народа мунго, живущего в западной части австралийского штата Новый Южный Уэльс и являющегося потомками первых австралийцев, прибывших на континент приблизительно 45 тысяч лет назад. Не имея никаких свидетельств об этом путешествии по земле, Уэллс безуспешно пытал-

¹ Моё использование термина «обращение в веру» для описания вовлечения Уэллсом туземцев в эволюционный нарратив вдохновлено описанием Уилли Дженнингсом теологических приёмов, сопровождавших европейскую колониальную экспансию. Дженнингс отмечает, что «эпоха открытий и завоеваний начала процесс трансформации земли и идентичности. И если миры трансформировались, то происходило это по-разному. Народы, отличающиеся географией, жизнью, обозначениями их мира, принятыми у европейцев, — Африка, обе Америки, Европа — утрачивали свою землю только для того, чтобы найти её заново странным новым образом. Глубочайшее богословское искажение, совершавшееся при этом, состояло в том, что земля, почва, пространства и места устранились как живые организаторы и фасилитаторы идентичности» [Jennings 2011: 39]. Он также отмечает, что объединение европейцев и туземцев в этом новом просвещённом капиталистическом соглашении «указывало на фундаментальную трансформацию пространства. Европейцы добровольно покидали свои дома. Вновь «открытые» туземцы недобровольно изгонялись со своих земель» [Ibid.: 37]. Мы видим, что это миссионерское наследие заново разыгрывается в том, как Уэллс представляет свой биогенетический нарратив. Уэллс, европеец, добровольно покидает свою родину в поиске туземцев, которые не только подтвердят его новый креационизм, но сделают это именно в тот момент, когда они согласятся с терминологией его истории, а значит, их извлекут из своих туземных космологий (то есть обратят в веру) и наделят новыми идентичностями внутри альтернативной биопространственной сети идей и верований о географии, миграции, наследовании и формировании рас.

ся убедить Грега Инибия Губая Сингха, художника-аборигена из Квинсленда, что данные генетики говорят о том, что все люди происходят из Африки. В ходе их разговора Грег заметил:

Если наши истории неверны, если они являются мифом — ведь именно такими их считаете вы, а мы знаем, что это не так, — то почему невозможно предположить, что это африканцы происходят от нас?²

С замечательной откровенностью Уэллс отвечает:

Я хотел бы, чтобы ты понимал: те истории о ДНК, которые мы рассказываем, — это именно они, истории о ДНК. Это наша версия как европейцев, о том, как был населён мир и откуда мы все приходим. Это наша песенная линия. Мы используем науку для рассказа [о нашем происхождении], потому что у нас нет ощущения прямой преемственности. *Наши предки не передали нам никаких историй.* Мы утратили их, и нам нужно пойти и найти их, и мы делаем это при помощи науки — *нашего европейского способа смотреть на мир.* Вам не нужно это. У вас есть свои собственные истории³.

Под «песенной линией» Уэллс подразумевал устную традицию мунго, в которой передавался нарратив о творении, помещающий начало человеческого рода в Австралию. Грег отвечает: «Мы знаем, откуда мы. Мы знаем о творении. Мы знаем, что приходим отсюда и больше ниоткуда». Вызов, брошенный аборигенной историей о творении Грега, устраняется почти незаметно, когда Уэллс, одновременно действующее лицо и рассказчик в фильме, поясняет с невозмутимой убеждённостью:

Традиция редко совпадает с передовой наукой. Песенные линии аборигенов говорят, что человечество произошло отсюда, из Австралии, они ничего не сообщают о путеше-

² Wells, *Journey of Man* (DVD), 00:38:41. (Курсив мой.)

³ Ibid., 00:39:03–00:39:34.

ствиях. *Но кровь аборигенов говорит мне*, что они унаследовали очень древний маркер из Африки — его возраст около 50 тысяч лет, — в то время как в крови африканцев нет никаких следов аборигенных маркеров. Движение человечества происходило строго в одном направлении — из Африки в Австралию⁴.

В этом фильме есть ещё одна сцена, ярко демонстрирующая, каким образом современная генетическая наука конструирует универсальный нарратив, скрывая провинциальные европейские традиции, лежащие в его основе. Ближе к концу фильма Уэллс встречается с тремя членами племени навахо в Каньоне-де-Шей в Аризоне и объясняет им, что их прямые предки пришли из Центральной Азии. Один из них, Фил Блюхаус, настаивает:

Мы верим, что были сотворены здесь, на территории четырёх священных гор. Здесь мы возникли из земли. Другими словами, мы были рождены в этом месте — точно так же, как мы все были рождены нашей матерью⁵.

Уэллс отвечает:

У меня тоже есть представление о том, в чём смысл этой истории с точки зрения науки. Я генетик, и все люди по всему миру являются близкими родственниками. Мы все — часть одной большой семьи. Фактически мы все — родственники людей, которые жили в Африке всего 50 тысяч лет назад. Это всего лишь примерно две тысячи поколений назад. Так что у вас есть дальние родственники по всему миру, которые, в сущности, являются африканцами. И ты, в сущности, тоже африканец. И я⁶.

Далее в ходе разговора Уэллс описывает свои поиски генетических следов человечества за пределами Африки в Австралии

⁴ Ibid., 00:39:47–00:39:57.

⁵ Wells, *Journey of Man* (DVD), 01:42:52–01:42:59.

⁶ Ibid., 01:43:05–01:43:35.

и на других континентах. Затем следует дискуссия о разнообразии социальной жизни Австралии. Как объясняет Уэллс, «В Австралии существуют различные популяции, говорящие на различных языках. У них разные культуры, разные мифы». Пока двое других навахо пытаются понять то, что сказал Уэллс, Фил резко возражает:

Почему ты называешь мифом то, что рассказывают тебе люди, в отличие от их опыта, который они проживают снова и снова? Вместо того чтобы называть это мифом, может быть, ты мог бы назвать это как-то иначе, потому что у меня это вызывает сильные чувства — ведь если ты называешь что-то мифом, значит, это что-то неправильное, что-то, не имеющее значения... Потому что это реальность, как мы понимаем её. Это не мифы, понимаешь? Это важно⁷.

На камеру Уэллс произносит последнее слово: «Это очень хорошо сказано. И моё *предубеждение как учёного состоит в том, что мне нравится для всего видеть конкретные свидетельства*»⁸.

Возможно, в большей мере, чем текст книги, документальный фильм «Путешествие человека» демонстрирует, как генетическая наука порождает расовые нарративы, которые считаются универсально применимыми, стремится предоставить единственно возможное объяснение нашего происхождения и раскрыть изначальные истины, сокрытые в нашей биологии. Оставив рабочий стол и встречаясь со своими субъектами в поле, Уэллс занят поиском знаков, вписанных в тела аборигенов, подтверждающих его историю об эволюции. Интервью с туземцами подкрепляют идеи Уэллса; их кажущиеся статичными истории творения облегчают веру и ощущение, что генетика заменяет собой суеверие и миф. Как учёный Уэллс утверждает, что его отправная точка не определяется традицией, культурным знанием или религиозной верой. Его отправная точка — недостаток

⁷ Ibid., 01:44:37–01:45:02.

⁸ Ibid., 01:44:03–01:45:04.

знания⁹. Как поясняет Уэллс, «наши предки не передали нам никаких историй». Поэтому «мы используем науку для рассказа [о нашем происхождении], потому что у нас нет ощущения прямой преемственности». Кого он подразумевает под этим «мы», очевидно, ведь Уэллс считает, что «наука — наш европейский способ смотреть на мир». Но что именно делает научное исследование расы европейским? Если мы должны принять предварительные условия его эволюционной истории, должны ли мы также поверить ему, что все предки Европы не смогли передать это жизненно важное знание о происхождении человека? А если так, что лежит в основе этой катастрофической утраты культурной и социальной памяти? Какой цели служит это допущение подобной интеллектуальной недостаточности?

В книге «Божественные вариации» я показываю, что предки Европы на самом деле передали своим потомкам истории о происхождении человеческой жизни, которые продолжают определять характер современной науки. Истоки этого нарратива не являются чисто секулярными. Наоборот, они заимствуют из христианских образцов рассуждения о внезапном торжестве творения, человеческих различиях и всеобщей применимости христианского мировоззрения. Эти концепции в совокупности делают возможным представление о происхождении челове-

⁹ Ким Толлбер отмечает, что понимание Уэллсом истории науки о расе и представление, что генетика может покончить с расизмом, удивительно антиисторично и основано на убеждении, что «между настоящим и прошлым существует разрыв» [Tallbear 2013: 149]. На мой взгляд, невежество Уэллса в отношении интеллектуальной истории понятия расы в науке — это не просто политическая наивность или антиисторизм, характерные для учёных в целом. Невежество Уэллса выражает весьма специфическое почтение к внезапному торжеству идей и человеческих объединений, само по себе симптоматичное для христианских концептуальных предпочтений, которые негласно одушевляют и ориентируют расовое мышление в науке. На самом деле, существует провинциальная социально-культурная история, позволяющая Уэллсу пренебрегать историей расового мышления, которая предшествует его собственной биогенетической истории человеческого развития и тем самым продвигает представление, что правильное понимание человеческого разнообразия начинается с интеллектуальной недостаточности, а затем движется в направлении истины.

ских рас от общего предка (моногонизм) и об обязанности современной науки рассказывать историю об общем происхождении всех людей.

Помимо того, какие проблемы создавала эта вера в общих предков для теории эволюции, оставались и другие неразрешённые вопросы. Почему пробел в понимании европейцами происхождения человека стал рассматриваться как глобальное невежество в вопросе о сотворении человека? Какими были условия, в которых евро-американские учёные обрели уверенность в том, что их версия происхождения человеческих рас является универсально применимой? Каким образом современные исследования расы приобрели эпистемический авторитет, позволяющий разрешить спор между научным и ненаучным нарративами о происхождении человека? Если мы сможем найти ответы на эти вопросы, сможем ли мы также объяснить историю воображаемой интеллектуальной недостаточности, существующей в западном научном воображении по вопросу происхождения человека?

«Божественные вариации» — своего рода проект по провинциализации, раскрывающий, каким образом формирование понятия расы в умах западноевропейских и американских учёных выросло из христианской интеллектуальной истории¹⁰. Эта уникальная социальная и религиозная история окрасила интеллектуальную жизнь Европы и примешалась к конструкциям расы в германской, британской и североамериканской науке. Я ставлю под вопрос господствующие допущения о постепенной трансформации западных версий описания происхождения человека в отчётливо современную секулярную деятельность, освобождённую от любых следов христианского богословия. Я показываю, что история расовой науки не вписывается в узкий нарратив прямолинейного секуляризма, как полагало поколение историков и антропологов, создавшее классические труды в этой области после Второй мировой войны. «Религия» не была вычтена из «науки» в ходе развития современных теорий человеческо-

¹⁰ Моя методология отчасти позаимствована из: [Chakrabarty 2008: xiii].

го биоразнообразия. Предки евро-американских учёных оставили им в наследство отнюдь не интеллектуальную недостаточность, а, наоборот, целый ряд идей и стратегий рассуждения о расе, происходящих из христианства и продолжающих определять характер современной мысли. Утверждение Уэллса о том, что у него нет никакого социального или культурного наследия, на основании которого он мог бы строить своё представление о расе, — это миф, прикрывающий те эпистемические привилегии, которыми пользуется современная наука именно благодаря христианскому наследию, включённому в её взгляд на человеческое биоразнообразие. Эта книга делает эксплицитными различные аспекты этого религиозного наследия и по ходу дела провинциализирует научное исследование человеческого разнообразия.

Религиозные прообразы расы и науки

Моя работа пересматривает паратеологические тексты и библейские комментарии XVII и XVIII веков, сочинения раннехристианской натурфилософии, ранние исследования по этнологии, образцы социальной науки начала XIX века, дебаты исследователей общественного здравоохранения в XX веке и недавний генетический анализ ДНК древнего человека. Предлагаемый мной нарратив не ставит целью всеохватывающее описание истории современных научных теорий происхождения человека. В мои намерения не входит и пересказ всей культурно-религиозной истории евро-американских представлений о расе. Это замечательно сделали другие учёные¹¹. Книга «Божественные вариации» сосредотачивается на четырёх исторических моментах, которые демонстрируют, как религиозные и научные эпистемологии совпадают в вопросе расы. Таким образом, я прослеживаю формирование расовой науки в Германии XVIII века, отслеживаю

¹¹ Относительно представлений о расе в истории науки и исторической науке в целом см. [Greene 1959; Frederickson 1971 (1987); Bowler 1989; Marks 1995; Smedley 1999; Roberts 2012]. Ключевые обобщающие работы об истории расы в рамках религиозной мысли см. [Kidd 2006; Livingstone 2008; Johnson 2004].

её трансформацию у американских этнологов XIX века, продвигаюсь через биомедицинские теории Прогрессивной эры и, наконец, подхожу к современным генетическим исследованиям генома неандертальца.

Исходя из целей настоящего исследования, необходимо прояснить, что мы подразумеваем под религией, её отношениями с христианством, наукой и расой. Категория «религия» ненадёжна и эвристична. Она была создана учёными Запада, чтобы описать широкий диапазон человеческой деятельности, который находится в постоянном изменении и который сложно отделить от других форм жизни [Smith 1998: 269–284]. Настоящая книга показывает, как христианская интеллектуальная история породила ряд идей и верований, которые имеют последствия за пределами церковной ограды. Следовательно, внимание данного исследования не ограничено религиозными институтами или фигурами в общепринятом смысле; вместо этого оно сфокусировано на идеях, заимствованных из христианского понимания Бога, иудаизма, природы, времени и родословной человека, повлиявших на научные представления о расе. Проследивая эту историю, я не пытаюсь утверждать, что современные учёные являются в каком-то смысле «христианскими» из-за своего интеллектуального наследия; демаркация границ, пролегающих между религиозными сообществами, не входит в область моих интересов. Эта книга описывает идеи, заимствованные учёными из христианской интеллектуальной истории в ходе их попыток сконструировать теории, объясняющие вариативность человека, — идеи, соответствовавшие стандартам научной истины, господствовавшим в их время.

Признание данной интеллектуальной истории подразумевает необходимость признания роли христианства в формировании дискурсов и практик, проводящих различие между социальными группами. Эта религиозная предыстория является плодотворной почвой, на которой произрастают современные научные взгляды на расу. Однако христиане и те, кто разделяет их культурное наследие, обычно верят в то, что быть членом тела Христова — значит быть по ту сторону расовых различий, возвышаясь до

универсально инклюзивного сообщества. Некоторые библейские цитаты регулярно приводятся в обоснование такого представления, например: «От одной крови Он [Бог] произвёл весь род человеческий для обитания по всему лицу земли» (Деян. 17:26); «Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал. 3:28). Более того, восприятие христианства как сообщества, открытого для всех, а значит, стоящего по ту сторону расового деления, также подкрепляется теологическим утверждением, широко представленным на всем протяжении истории христианской мысли, о том, что Адам является общим предком всех человеческих рас (моногонизм), а его первородный грех передался всем народам. Этот унаследованный грех, следовательно, подготовил почву для искупительного значения Христа, который, согласно христианской вере, стал всеобщим искупителем.

Если христиане в течение долгого времени заявляли об универсальности и инклюзивности своей веры, то учёные в недавнее время продемонстрировали, насколько центральную роль играло расовое мышление в христианском богословии и интеллектуальной истории¹². Дениз Кимбер Бьюэлл отмечает, что то, каким образом ранние последователи Иисуса понимали своё сообщество, определялось этносоциальными представлениями их античных современников. Она говорит: «Многие христианские тексты недвусмысленно подводят своих читателей к пониманию их вхождения в эти формирующиеся сообщества как переход от одной группы по происхождению, племени, народа или гражданства к новым и лучшим» [Buell 2009: 111–112]. Бьюэлл полагает, что ранние христиане обладали пониманием своей общности, концептуально функционировавшей как этнорасовая группа. В то же время, согласно их самопониманию, они стояли выше всех остальных форм социальной принадлежности в силу своей убеждённости в том, что они обладают знанием о судьбах всего человечества. Действительно, как мы увидим, это знание о спасении, охватывающее всех людей, оставит глубокий след в буду-

¹² См., напр., [Carter 2008; Boyarin 2009; Bailey 2011; Goetz 2012].

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru